

УДК 94(47+57)«1917/1991»

DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-104-111

**ЖЕНСКИЕ БАТАЛЬОНЫ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 ГОДУ КАК ФАКТОР
РАЗМЫВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ****WOMEN'S BATTALIONS OF THE RUSSIAN ARMY IN 1917 AS A FACTOR IN THE
LOOSENING OF GENDER ROLES IN WARTIME****П.Г. Култышев
P.G. Kultyshev**Южный федеральный университет
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105South Federal University
105 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: halchard@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема создания женских военных подразделений как средства по разрушению гендерного запрета, касаемого возможности прохождения женщинами военной службы в армии. Данный запрет был снят в условиях политической нестабильности и военной угрозы, когда русская армия теряла облик дисциплинированной военной силы. В этих обстоятельствах высшим руководством страны по предложению М.Л. Бочкарёвой было принято решение об организации женских батальонов. Главной целью данных частей было не столько участие в военных действиях, сколько оказание морального воздействия на деморализованных солдат. Однако, реалии армейской службы оказались для многих неподготовленных женщин тяжёлым испытанием. Многие из них оказались не готовы к армейской грубости и беспрекословному подчинению. Отказ от условностей гражданской жизни проходил болезненно и не без вспышек недовольства. Слом гендерного табу весной-осенью 1917 года оказался неудачным по многим причинам. Инициатива М.Л. Бочкарёвой, носившее изначально лишь показательный характер по поддержке армии и власти быстро потеряло свой размах как только власть перестала нуждаться в подобной опоре.

Abstract

In the article the problem of creation of women's military units as a means to breaking the gender prohibition regarding the possibility of women passing military service in the army is considered. This ban was lifted in conditions of political instability and the threat of war, when the Russian army was losing the appearance of a disciplined military force. In these circumstances, the leadership of the country at the suggestion of M.L. Botchkareva, have made a decision about the organization of women's battalions. The main purpose of these units was not so much the participation in military actions as providing moral impact on the demoralized soldiers. However, the realities of military service was for many women unprepared ordeal. Many of them were not ready for the army of brutality and unquestioning obedience. The rejection of the conventions of civil life passed painfully and not without flashes of discontent. The breaking of gender taboos in the spring and in the autumn of 1917 proved unsuccessful for many reasons. The initiative of M.L. Botchkareva, which bore originally only indicative for the support of the army and the government quickly lost its momentum once the power has ceased to need such support.

Ключевые слова: гендерное табу, женские батальоны, русская армия, 1917 год, Мария Бочкарёва.
Keywords: gender taboo, women's battalions, Russian army, 1917, Maria Bochkareva.

Для каждого пола в зависимости от конкретной эпохи закреплены свои роли и набор определённых поведенческих стереотипов. Вместе с этим, мужчины и женщины

обладают и определёнными гендерными табу – сферами жизни, куда проникновение представителям противоположного пола крайне затруднено или вовсе запрещено. Общество и государство всячески отслеживает соблюдение подобных писаных и неписанных правил, а зачастую и порицают тех, кто отважится пренебречь ими. Жёсткая регламентация гендерных ролей и соблюдение разнообразных табу является неотъемлемой частью патриархального общества и ценностей присущих данному социуму. В Российской империи, несмотря на постепенную феминизацию и эмансипацию, женский микросоциум оставался перенасыщен самыми различными, порой абсолютно надуманными, ограничениями и правилами.

Однако, особенности развития общества и государства таковы, что в определённый исторический момент, данные ограничения теряют свою былую актуальность и перестают формировать стереотипы и шаблоны массового поведения и сознания. Момент слома гендерного табу, как правило, происходит в период наличия экстремальных условий существования общественных и государственных институтов. Подобными экстремальными условиями могут быть радикальные социально-экономические реформы, смена государственной идеологии, переустройство культуры и повседневности человека и общества. Особым обстоятельством, обладающим крайними чертами экстремальности, по праву считается война. Именно война как явление всеобъемлющего народного характера способна оказать кардинальные перемены на устройство общества и государства. Война, где главные роли отведены мужчинам, также долгое время являлась неким табуированным полем для женской активности. Женщин-воительниц до начала XX века можно пересчитать по пальцам одной руки, женщина не допускалась к участию в войне. Единственным исключением с середины XIX века стало участие женщины в излечении раненных солдат и офицеров. Но в определённый исторический момент, общество, государство и само мужское население оказывается готово пренебречь сохранением своей гендерной избранности и допустить женщин к абсолютно не свойственной для них роли – роли «человека с ружьём». Подобный гендерный переворот знаменует собой слом устоявшихся социальных норм и стереотипов. Женщина, являющаяся олицетворением домашнего уюта, душевной и телесной слабости и самой жизни, оказывается допущена внутрь грубого солдатского коллектива. Более того, женщина отныне является прямым и непосредственным участником массового смертоубийства.

Изучением положения женщин и воздействия войны на поведенческую и эмоциональную картину человеческого сознания в исторической ретроспективе занимаются два направления исторической науки: гендерная история и военно-историческая антропология. Оба направления в силу своей междисциплинарности совмещают в себе не только исторические, но и методологические приёмы из психологии и социологии. Применение данных разработок позволяет проникнуть во внутренний мир людей и приблизиться к пониманию их переживаний и мотивов. Гендерная история и военно-историческая антропология являются сравнительно новыми векторами развития исторического знания, а их методологический аппарат продолжает формироваться и выкристаллизовываться. О развитии и формировании данных направления исторической науки написан ряд программных статей, в которых ведущие специалисты поводят промежуточные итоги развития гендерной истории и военно-исторической антропологии [Сенявская, 2002, с. 135-145; Пушкарёва, 2010, с. 51-64]. При написании данной статьи были использованы не только общенаучные методы (сравнение, обобщение, анализ, синтез, классификация, описание и др.), но и конкретно-методологические подходы, разработанные в ряде смежных гуманитарных дисциплин при изучении социокультурных и социально-психологических феноменов. Их использование обосновано самим типом настоящей статьи. Но, несомненно и то, что основными в силу исторического характера данной работы, стали специальные исторические методы. Среди них, наряду с ключевым – сравнительно-историческим, были привлечены и другие методы: историко-генетический, историко-типологический, историко-психологический и др. В основу настоящего исследования был положен принцип научно-

сти, принцип историзма и принцип стремления к объективности. Последовательное применение этих методов и принципов позволяет рассмотреть и проанализировать события прошлого в их непосредственной взаимосвязи, исходя из исторического контекста.

Нельзя также не сказать о том, что проблема создания и применения в боевых условиях женских батальонов 1917 года нашла своё место в современной российской историографии. Одним из первых, ещё на рубеже 80 – 90-х гг. XX века, кто обратил внимание на данную проблематику, был А.С. Сенин. В своей статье на основе архивных данных он рассматривает историю создания женских команд в 1917 году и приходит к выводу, что женские батальоны «создавались в классовых интересах, буржуазии. Их социальной базой стали в основном выходцы из среды интеллигенции» [Сенин, 1987, с. 182]. В последующие годы данная тема не раз поднималась в различных монографических исследованиях, становясь лишь частью данных работ. Среди таковых следует упомянуть монографию «Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах» Ю.Н. Ивановой [Иванова, 2002]. В данной работе автор изучает особенности участия женщин в различных войнах и военных конфликтах, в которых участвовала Россия и больше половины книги отведено двум мировым войнам. Раздел монографии, повествующий о деятельности Марии Бочкарёвой и создании женских батальонов, написан на интересном фактическом материале, но не раскрывает отношение самих женщин к данному начинанию и цели, которые ставило Временное правительство, приступая к формированию подобных подразделений. Эту лакуну в 2004 году. В определённой степени, восполняют две любопытные монографии: «Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв.» и «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930» [Щербинин, 2004; Стайтс, 2004]. Данные работы весьма разноплановы, и если первая представляет собой весьма качественное исследование женской повседневности под влиянием военной составляющей, то вторая – изучение идеи и практики русского феминизма в XIX – XX вв. В каждой из названных книг имеются небольшие разделы посвящённые истории женских батальонов русской армии в 1917 году. Наиболее полно эта тема раскрыта в работе П.П. Щербинина, которому удалось проследить не только путь создания батальонов, но и заложить основы изучения такого феномена, как «женщина с ружьём». Наличие данных работ позволяет говорить о том, что проблема гендерных сдвигов под влиянием крупных военно-политических катаклизмов вызывает неослабевающий интерес у отечественных исследователей и требует дальнейшего изучения.

Для Российской империи прямое участие женщины в боевых действиях не являлось чем-то новым, но и обыденным это явление не назовёшь. Историческая память о Надежде Дуровой была ещё жива и позволяла говорить о том, что и женщина способна на равных с мужчиной переносить тяготы войны. Но последующие годы сформировали для общества совершенно иную стереотипную связь между войной и женщиной. Эта связь строилась на основе того, что женщина выступала в качестве источника милосердия и сострадания к раненым войнам. Подобная персонификация гуманных сентенций общества целиком и полностью соответствовало духу XIX века и лишь с наступлением века XX и переходу от «войн армий» к «войнам народов» стала возможным полноценная милитаризация женского мира. Данные изменения значимые для общества и массового мировоззрения были не менее важны и для самой женщины. Её переход в совершенно иное гражданское состояние кардинально менял в равной степени, как её сознание, так и её поведение. С того момента как она брала в руки оружие и вливалась в ряды солдат, она переставала принадлежать самой себе. Вся её последующая жизнь в армии целиком и полностью подчинялась жёсткой армейской регламентации. Причёска, одежда, круг общения, свобода перемещения, слов и поступков отныне не зависели от воли «женщины с ружьём», они были подчинены военному уставу и шли строго в русле интересов армии и государства. Попав в среду военных, женщина теряла былую самостоятельность (свойственную для гражданской жизни) и начинала приобретать отдельные маскулинные признаки в своём

поведении, лексике и мышлении. Подобные перемены стали возможны в русской армии и обществе в 1917 году, когда встал вопрос о формировании женских батальонов.

Инициатором создания женских батальонов стала Мария Леонтьевна Бочкарёва¹. К 1917 году она провела на войне уже три года и благодаря своему неординарному положению и героическим поступкам была весьма известна за пределами самой армии. Судьба М.Л. Бочкарёвой уже хорошо описана, но обращает на себя внимание момент, характеризующий обстоятельства её появления в действующей армии. К 1914 году Мария Бочкарёва успела прожить весьма не простую жизнь и так и не обзавелась семьёй, детьми и домом. Все её попытки по приобретению типичных символов обычного женского счастья наталкивались где на её простодушие, а где и на превратности судьбы. Обладая не простым, но боевым характером Бочкарёва не могла смириться со своим незавидным положением и искала иные пути для самореализации. Одним из вариантов стало для М.Л. Бочкарёвой вступление в ряды действующей русской армии. К лету 1917 года Мария Бочкарёва имела за плечами солидный боевой опыт и могла похвастаться несколькими наградами. Своими поступками и умением мириться с условиями фронтовой жизни, она заслужила авторитет среди сослуживцев и вскоре выступила с инициативой создания особых военных подразделений комплектуемых женщинами на добровольной основе. Инициатива М.Л. Бочкарёвой казалась странной и невозможной, особенно если учесть опыт европейских стран, где женщинам было весьма сложно обойти государственные и общественные барьеры и войти в систему армейского организма. Однако, положение в России к лету 1917 года было весьма сложным как со стороны внутривойсковой ситуации, так и в плане ситуации на фронтах Первой мировой войны. Русская армия неумолимо разваливалась, теряя даже малые признаки регулярной и боеспособной военной силы. С целью поднять боевой дух солдат не желающих продолжать войну, правительство Керенского пошло на авантюру по созданию женских добровольческих батальонов.

В формировании данных подразделений принял участие и главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П.А. Половцов позже записавший в своих мемуарах следующее: «Из вновь формируемых частей для спасения Отечества особенно интересным учреждением оказался женский батальон г-жи Бочкаревой. Сия энергичная дама, служившая с успехом на фронте вольноопределяющимся, явилась ко мне с проектом формирования женского отряда. Мысль мне понравилась, главным образом для того, чтобы срамить мужчин, не желающих воевать» [Половцов, 1999, с. 97]. Иными словами главной целью создаваемых подразделений было не их применение на передовой, а попытка устыдить мужской состав русской армии. По-видимому, политические деятели революционной России даже и не предполагали, что «женские батальоны» выйдут за рамки агитационно-идеологического назначения и окажутся в окопах Первой мировой войны. Подобное назначение женских подразделений шло в разрез с тем, чего желала сама Бочкарёва. По её мнению, женские части должны были наравне с мужчинами проводить армейские будни и переносить все тяготы войны. Как показала дальнейшая история «женских батальонов», отнюдь не все добровольцы разделяли подобные устремления и готовы были тянуть солдатскую лямку во имя интересов Родины и государства. Но так или иначе, а идея Марии Бочкарёвой оказалась востребованной. Более того, в мае 1917 года на имя А.Ф. Керенского поступило предложение от Организационного комитета женских маршевых батальонов по созданию женских военных подразделений. И 21 мая 1917 года в одном из залов Таврическо-

---

¹ Бочкарёва Мария Леонтьевна (1889 – 1920) – одна из первых женщин, получивших офицерский чин поручика в 1917 году и кавалер Георгиевского креста. Бочкарёва М.Л. стала инициатором создания женских военных подразделений и приняла активное участие в их организации. После событий октября 1917 года и не желая сотрудничать с новыми властями, М.Л. Бочкарёва приезжает во Владивосток, а далее с агитационной миссией отплывает в США и Европу. В августе 1918 года М.Л. Бочкарёва пребывает в Архангельск, а чуть позже в Омск. В январе 1920 года, после поражения армии Колчака, М.Л. Бочкарёва будет арестована. 16 мая 1920 года М.Л. Бочкарёву расстреляют в Красноярске.

го дворца с призывом к созданию женских батальонов выступила и сама Мария Бочкарёва [Соловьёв, 1964, с. 183].

В создаваемые части шли представительницы самых различных социальных слоёв, возрастных групп и политических предпочтений. В связи со столь разнообразным контингентом добровольцев Главным управлением Генерального штаба (далее – ГУГШ) было решено начать работу в трёх направлениях: «а) формирование частей чисто боевого назначения, б) создания команд вспомогательного назначения и в) использование женщин-добровольцев на укомплектование тыловых организаций небоевого назначения» [Разложение армии в 1917 году, 1925, с. 73]. Однако, со стороны подобная пестрота личного состава формируемых частей выглядела весьма комично. Капитан П.В. Шагал, получивший в подчинение 3-ю роту 1-го Петроградского женского батальона позже так вспоминал своё знакомство со своими подчинёнными: «Мы вошли в ворота и, дальше, в сад Замка и остановились, разглядывая представившуюся нам картину. Что это? Базар, ярмарка или кулисы какого-то театра на открытом воздухе? В одном углу шли занятия со взводом вполне законченно одетых добровольцев; в другом бегали не то бабы, не то солдаты: одни в юбках и гимнастерках, другие еще в женских платьях. Попадались на глаза грубые деревенские лица, мало чем отличавшиеся от лиц молодых солдат, но иногда и лица интеллигентные. Это была какая-то невообразимая смесь возрастов, социальных положений и классов» [Шагал, 1969, с. 6]. Ещё более красочное описание женщин-добровольцев даёт в своих воспоминаниях Мария Бочарникова: «Первое впечатление – казалось, что я попала на луг, усеянный яркими цветами. Яркие сарафаны крестьянок, косынки сестер милосердия, разноцветные ситцевые платья заводских работниц, элегантные платья барышень из общества, скромные наряды городских служащих, горничных, нянек... Кого здесь только не было!» [Бочарникова, 2001, с. 174]. Столь разнообразный личный состав поднимает справедливый вопрос и о тех мотивах, которыми руководствовались женщины, поступавшие в действующую армию.

Можно предположить, исходя из особенностей женской психологии, мотивы, которыми руководствовались добровольцы были весьма широкими и разноплановыми. Одни женщины шли в «женские батальоны» из-за потери на войне отца, сына, жениха или мужа. Видимо, в момент принятия решения ими двигало чувство мести или атмосфера тоски и безысходности от потери близкого и родного человека могла толкать их на осознанный поиск смерти на войне. Более того, женщины потерявшие любимого человека тяготились обычной гражданской жизнью, которая всё более походила в их сознании на «пир во время чумы». Таким будущим добровольцам легче было перебороть горе среди подобных себе, чем постоянно наталкиваться на сочувствующие взгляды или наблюдать за бесконечным весельем в тылу. Но вместе с этим, женщины переживающие потерю близкого человека шли в армию и с целью занять себя тем, что может по силе воздействия сравниться со смертью родного человека. Безусловно, эмоциональное состояние таких добровольцев не располагало к возвышенным лозунгам об опасности, нависшей над отечеством. Однако, потеря мужа, сына или брата означала для многих крестьянских семей ещё и потерю кормильца, который обеспечивал семью и защищал её. В подобном случае, женщина оказывалась в одиночестве, и лишь государство или ближайшие родственники могли оказать ей хоть какую-либо помощь. Но с наступлением революционных перемен для таких женщин нашёлся и иной путь – армия. Подобный пример в своих публикациях приводила американская журналистка Рита Дорр: «Одна из девушек девятнадцати лет, казачка, хорошенькая, с темными глазами, оказалась совершенно брошенной на произвол судьбы после того, как у нее погибли в бою отец и двое братьев, а мать погибла во время обстрела госпиталя, в котором она работала. Батальон Бочкаревой казался ей безопасным местом, а винтовка – лучшим способом защиты» [5]. Часть других женщин, в основном из крестьянской среды шли на фронт и в армию с целью вырваться из того тяжёлого положения (будь то взаимоотношения внутри семьи или трудное финансовое состояние) в котором они оказались. Одна из крестьянок прямо признавалась, что возможность уйти в армию она использовала, чтобы расстаться с

мужем: «Ох и бил же меня, проклятуший! Половину волосьев повыдрал. Как услышала я, что баб-то в солдаты берут, убёгла я от него и записалась. Пошел жалиться, а комиссар ему и говорит: «Теперь, апосля леворюции, слабода. Не смеешь бабу трогать, ежели она на хронт едет защищать Рассею!» Так и уехала» [Бочарникова, 2001, с. 175-176]. Нельзя также исключать и того, что часть женщин вступавших в армейские ряды руководствовались желанием найти для себя выгодную партию в лице молодого офицера или же просто и безответственно следовали капризной моде. Вероятно, были среди добровольцев и те, которые тяготились бесправным положением женщины и рассматривали своё поступление в армию как элемент эмансипации и борьбы за свои права.

Оказавшись внутри армейского организма, женщины попадали в абсолютно незнакомую и чуждую для них среду. Их одежда, питание и распорядок дня теперь полностью зависели не от их прихотей и привычек, а подчинялись строгому уставу и приказам вышестоящих офицеров. Армейские будни были не лёгкими: подъём в пять часов утра, умывание, молитва, мимолётные перерывы для приема пищи. Всё остальное же время было отдано строевой подготовке, изучению оружия, устава и т.п. Таким был распорядок каждого дня до 10 часов вечера [Бочкарёва, 2001, с. 15]. Одна из добровольцев позже вспоминала: «Была введена строгая дисциплина, и мы почувствовали, что идет не игра в солдатики...» [Бочарникова, 2001, с. 180]. Отношения между самими женщинами были весьма неоднозначны. Женщины различных возрастов и из разных социальных слоёв, с разным финансовым достатком и с разными политическими взглядами с трудом притирались друг к другу и находили что-то общее. Периодические вспышки недопонимания были ожидаемы и легко предсказуемы. Сама Бочкарёва, по воспоминаниям современников и очевидцев, стремилась к сохранению строжайшей дисциплины и беспрекословного подчинения. Ещё в период создания женских частей Мария Бочкарёва заявляла следующее: «В предполагаемом мною батальоне я буду иметь полную единоличную власть, и добиваться послушания» [Казаков, 2013]. И свою власть над подчинёнными Мария Бочкарёва проявляла с вахмистрской жёсткостью и бескомпромиссностью: «4-й взвод, где собрались более интеллигентные особы, жалуется, что Бочкарева слишком груба и бьет морды, как заправский вахмистр старого режима» [Половцов, 1999, с. 98]. Рукоприкладство, грубость и несговорчивость Марии Бочкарёвой в отношении добровольцев постепенно становились головной болью для вышестоящего начальства. Вот что по этому вопросу пишет генерал Половцов: «Слухи об ее зверствах доходят даже до Керенского. Кроме того, поднимаются протесты против обязательной стрижки волос под гребенку, заведенной Бочкаревой, как основное условие боеспособности. Стараюсь немного ее укротить, но она свирепа и, выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пускай убираются вон, а что она желает иметь дисциплинированную часть» [Половцов, 1999, с. 98]. И данные слова у Бочкарёвой с делом не расходились. В первые дни существования батальона из его состава было исключено порядка 30 женщин, в первую же ночь Бочкарёва поставила на два часа по стойке «смирно» 50 женщин не желавших засыпать после отбоя [Бочкарёва, 2001, с. 223]. Безусловно, подобные жёсткие правила, являвшиеся нормой для армии, были чужды и непонятны женщинам, вызывая в их среде если и не гнев, то желание прекратить подобную практику обращения с ними. Результатом этого стал предсказуемый раскол батальона, сокращение его численности и скорое переформирование [Бочкарёва, 2001, с. 228-233]. В распоряжении Марии Бочкарёвой остались лишь наиболее дисциплинированные и послушные женщины-бойцы. Именно с ними она и была отправлена на фронт, где и приняла участие в военных действиях.

После понесённых потерь и ранения самой М.Л. Бочкаревой идея о расширении женского военного движения стала постепенно угасать. В докладе по ГУГШ от октября месяца 1917 года значится следующее: «...женское военное движение, принявшее в своём начале массовый характер и встретившее благодаря моменту поддержку со стороны военного ведомства, не привело ни к каким положительным результатам, а наоборот, приняло беспорядочный характер... Второй пехотный женский батальон согласно приказа Вав-

шего в бытность командующим Московским военным округом ввиду полного его несоответствия расформирован. Наказный атаман Кубанского казачьего войска... донёс, что никакого батальона в Екатеринодаре налицо не имеется»¹. Причинами этого были разные факторы. Выступавшая с пламенными речами Бочкарёва уже не находила сочувствующих взглядов, а скорее наталкивалась на стену непонимания, равнодушия и агрессии. Одна из участниц описываемых событий позже вспоминала: «Потом Бочкарева прошла в казармы, где были рядами выстроены добровольцы, и обратилась к ним сначала с патриотическим воззванием, а затем предложила желающим пополнить ее отряд выйти вперед. Но добровольцы были уже не те. От энтузиазма, жертвенности не осталось следа!» [Рычкова, 2001, с. 510]. Политики и военные также более не проявляли заинтересованности в сохранении начинаний Марии Бочкарёвой и вскоре, в октябре 1917 года, последовало решение ГУГШ о постепенном свёртывании женского военного движения, в котором говорилось следующее: «Из 14 разрешённых к формированию частей налицо имеется только один Первый женский батальон, сформированный в Петрограде... Главное управление Генерального штаба полагало бы все ходатайства... отклонить и разрешённые к формированию женские воинские части, как не создавшиеся до сего времени, расформировать, ограничиваясь наличием одного Первого женского пехотного батальона, находящегося в Левашове и готового к выступлению на фронт. Казалось бы, что существование этого батальона вполне может исчерпать число женщин, действительно желающих служить родине, и явится уступкой моменту»².

Формирование женских военных подразделений изначально было непродуманной «уступкой моменту» и спорной попыткой политиков заработать себе дополнительный авторитет и дешёвую популярность. Но за этой военно-политической авантюрой стояли жизни и судьбы сотен женщин, которые, не осознавая будущих трудностей, откликнулись на призыв и взяли в руки оружие. По сути, инициатива Марии Бочкарёвой оказалась обречённой на неудачу из-за того, что ни армия, ни общество, ни государство не желали рассматривать женские батальоны в серьёз, поскольку создавались они не для войны, а как средство по моральному воздействию на разлагающуюся армию. Более того, попытка сломать исключительное право мужчин на службу в армии потерпела крах и по другой, не менее важной причине. Женщины оказались не готовы к особенностям армейской службы не потому, что они были слабы от природы, а в силу того, что государство не позаботилось в мирное время о планомерной и продуманной подготовке женского населения к прохождению службы в армии. Многие из того с чем столкнулись добровольцы было им в диковинку и вступало в острые противоречия с их обычной гражданской жизнью. Более того, к масштабному притоку женщин в армию оказались не готовы и сами мужчины. Появление в рядах армии вчерашних крестьянок, модисток, сестёр милосердия и представительниц иных профессий возмущало и тревожило мужчин, не желавших признавать собственную несостоятельность в военном деле, поскольку создание женских частей, призванное пробудить в солдатах чувство долга и присяги, на деле лишь озлобило последних и стало дополнительным ударом по авторитету Временного правительства не желавшего заканчивать войну.

Список литературы References

1. Бочарникова М. 2001. В женском батальоне смерти (1917 – 1918). В кн.: Добровольцы. М., Русский путь, 172-236
- Bocharnikova M. 2001. V zhenskome batal'one smerti (1917 – 1918). In Dobrovolicy. M., Russkij put', 172-236. (in Russian)

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д.1557. Л. 211-212об.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д.1557. Л. 211-212об.

2. Бочкарёва М. 2001. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., Воениздат, 445.
- Bochkarjova M. 2001. Jashka: Moja zhizn' krest'janki, oficera i izgnannicy. V zapisi Isaaka Don Levina. M., Voenizdat, 445. (in Russian)
3. Иванова Ю.Н. 2002. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., Российская политическая энциклопедия, 272.
- Ivanova Ju.N. 2002. Hrabrejshie iz prekrasnyh: Zhenshhiny Rossii v vojnah. M., Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 272. (in Russian)
4. Казаков В. 2013. «Женский батальон смерти» Марии Бочкаревой. URL: <http://www.postkomsg.com/history/196519/?id=1&template=print> (дата обращения: 01.09.2017):
- Kazakov V. 2013. «Zhenskij batal'on smerti» Marii Bochkarevoj. Jelektronnyj resurs URL: <http://www.postkomsg.com/history/196519/?id=1&template=print> (data obrashhenija: 01.09.2017)
5. О женских батальонах смерти. Часть 1. 2012. URL: <http://ljwanderer.livejournal.com/211905.html> (дата обращения: 01.09.2017)
- O zhenskih batal'onah smerti. Chast' 1. 2012. URL: <http://ljwanderer.livejournal.com/211905.html> (data obrashhenija: 01.09.2017)
6. Половцов П.А. 1999. Дни Затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа П.А.Половцова). М., Гос. публ. ист. б-ка, 273.
- Polovcov P.A. 1999. Dni Zatmenija: (Zapiski glavnokomandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga P.A.Polovcova). M., Gos. publ. ist. b-ka, 273. (in Russian)
7. Пушкарёва Н.Л. 2010. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России. Историческая психология и социология истории, 3 (2): 51-64.
- Pushkarjova N.L. 2010. Zhenskaja i gendernaja istorija: itogi i perspektivy razvitija v Rossii. Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii, 3 (2): 51-64. (in Russian)
8. Разложение армии в 1917 году. М., Л., 1925.
- Razlozhenie armii v 1917 godu. M., L., 1925. (in Russian)
9. Рычкова М.А. 2001. Воспоминания. Женское движение 1917 года. В кн. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. М., Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. Т. XI. 507-522.
- Rychkova M.A. 2001. Vospominanija. Zhenskoe dvizhenie 1917 goda. In Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII – XX vv. M., Studija TRITJE: Ros. Arhiv. T. XI. 507-522. (in Russian)
10. Сенин А.С. 1987. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. Вопросы истории, 10: 176-182.
- Senin A.S. 1987. Zhenskie batal'onny i voennye komandy v 1917 godu. Voprosy istorii, 10: 176-182. (in Russian)
11. Сенявская Е.С. 2002. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки. Отечественная история, 4: 135-145.
- Senjavskaja E.S. 2002. Voенno-istoricheskaja antropologija kak novaja otrasl' istoricheskoy nauki. Otechestvennaja istorija, 4: 135-145. (in Russian)
12. Соловьёв А.Г. 1964. Записки современника. М., Советский писатель. 356.
- Solov'jov A.G. 1964. Zapiski sovremennika. M., Sovetskij pisatel'. 356. (in Russian)
13. Стайтс Р. 2004. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930. Пер. с англ. М., Российская политическая энциклопедия, 616. (Stites R. 1991. The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860 – 1930. Princeton, N.J., Princeton University Press, 464.).
- Stites R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860 – 1930 [The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860 – 1930]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 616. (Stites R. 1991. The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860 – 1930. Princeton, N.J., Princeton University Press, 464.).
14. Шагал П.В. 1969. Женский батальон. Военная быль. 95: 5-11.
- Shagal P.V. 1969. Zhenskij batal'on. Voennaja byl'. 95: 5-11. (in Russian)
15. Щербинин П.П. 2004. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв. Тамбов, Юлис, 508.
- Shherbinin P.P. 2004. Voennyj faktor v povsvednevnoj zhizni russkoj zhenshhiny v XVIII – nachale XX vv. Tambov, Julis, 508. (in Russian)